

Сегодня он играет джаз, а завтра?..

В старой московской квартире все по-старинному: масса книг, дисков, фотографий, рисунков, картин, афиш. Хозяин дома Алексей БАТАШЕВ — подтянутый, спортивный человек «без возраста». Никакой традиции интервьюирования не соблюдалось. На вопросы хозяин иногда отвечал... «под гитару», с ходу исполняя что-то из любимого репертуара, стихами Ахматовой, собственным сонетом на английском. После разговора стало понятней, чем Баташев гипнотизирует и «обольщает» публику, упорно реализуя свою «идею-фикс» — «ДЖАЗ — ЛЮДЯМ».

— Сейчас джазменов можно услышать не только в артистических кафе и ночных клубах, но и в Большом зале консерватории и Концертном зале имени Чайковского. Наступило и в России время слушать оптимистическую музыку?

— Людям понадобились джазовые «витамины» и «калории». Джазисты играют в залах и театрах, на кораблях и в метро, в садах и кабаре. Наступило время нового джазового расцвета.

— «Джазовая экспансия» распространяется на таких ортодоксальных классиков, как пианист Николай Петров, квартет Шостаковича, певица Любовь Казарновская. Это на пользу классическому искусству?

— Вы забыли Национальный симфонический оркестр России. Их не неволят. Раз они сами захотели приобщиться к искусству джазовой импровизации, значит, им тоже необходима «витаминация». Алексей Козлов, знаменитый джазовый музыкант, был «первой ласточкой», когда пригласил играть квартет Шостаковича. Потом появилась тенденция. Сам Евгений Светланов с Государственным симфоническим оркестром в Большом зале Московской консерватории выступил с Ларисой Долиной и Александром Градским! Джаз принят в музыкальную аристократию.

Прокофьев говорил, что джазовые музыканты стоят на несколько голов выше, чем классические. Классик, он — «порученец», он играет, например, в оркестре несколько ничего не значащих нот, которые необходимы только в контексте. У него нет возможности быть инициативным. Джазовый музыкант выражает свои мысли, свою веру, а не говорит «вам просили передать, позвоните по такому-то телефону».

— А Рихтер, Ростропович, Глен Гульд, Горовиц — это тоже, по-вашему, «порученцы»?

— Нет-нет. Я не имею в виду великих солистов. Но когда не только средний оркестрант, но и первый скрипач симфонического оркестра сидит с таким видом, как будто ждет поезда на вокзале, публика умирает от скуки.

— Джазмен за все отвечает сам. Его можно назвать автором и исполнителем?

— Ради бога, не делайте этой ошибки! Джазист не композитор и исполнитель в одном лице. Импровизация не авторское искусство, а партнерское. Джаз — это острое устное искусство в море

письменной. Уголок партнерского искусства в океане авторского. Никто никому ничего не навязывает.

— Но ведь в джазе существуют жесткие правила...

— ...или партнерские обязательства. Это гораздо более строгое искусство, чем классика. Разница в том, что джазовая композиция не завершенное произведение, а процесс, ее можно дробить на такты и фразы. «Я помню чудное мгновенье» — это завершенное произведение. Дело не в том, лучше это или хуже — это другое.

— Мне понравилось ваше высказывание: «подлинные джазмены не могут быть инженерами человеческих душ»...

— Один такой «инженер» сравнил художественную удачу с забиванием гола, а об артистах джазовых сообщил, что они в своем кругу «тугие бабочки развязывающая» патристично поют народные песни.

— Вы спорщик, борец или конформист?

— Я похож на джазовую композицию. Я уравновешенный, оптимистичный, но бескомпромиссный. Поэтому я часто вынужден воевать.

Фото Валерия ГАНЧИКОВА

— Вы закончили знаменитый Физико-технический институт. Наверняка среди ваших однокашников есть доктора наук и академики. Вы никогда не пожалели, что молний в ваше время спор «физиков и лириков» решили в пользу последних?

— Мне «не повезло» на способности — их у меня в школьные годы обнаружилось слишком много. В восьмом классе меня заприщипали на олимпиадах Андрей Николаевич Колмогоров, Борис Николаевич Делане. Сказали «Давай к нам в МФТИ». Уже в институте я начал заниматься плаваньем для здоровья, а тренер мне предложил выбирать между наукой и спортом, потому что видел во мне будущего чемпиона Олимпийских игр. Я пел, рисовал, стихи сочинял. Когда я закончил в 15 лет школу, мне пришлось в голову, что художник, продавая свои работы, не свободен, а конъюнктурен изначально. Я решил, что надо выбрать специальность, которая позволяет жить, не затрагивая душу. Чертеж, дом, самолет, трактор я был согласен делать для денег. А потом писать музыку и никогда ее не продавать. Родители мне ничего не навязывали. Я много читал с раннего детства. От «Маленького лорда Фаунтлероя» до «Маугли» и рус-

ских классиков. А потом у брата Славы появился патефон с пластинками. Вскоре я пел все, что слышал — от арии Фарлафа из «Руслана и Людмилы» до репертуара «Братьев Милс» наизусть. Обучение игре на роуле «не пошло», зато я сам научился играть на кларнете.

Защитив кандидатскую диссертацию, я подал заявление об уходе из института и ушел играть в джазовом ансамбле. С 1954 по 58-й год я играл, и чем больше, тем меньше мне нравилось, как я это делаю. И снова слом. Судите сами — рядом были Алексей Зубов, Андрей Товмасын, Вадим Сакун, Георгий Гаранян. Я решил уйти и, когда отдал инструмент, заболел. Была бессонница, я мысленно нажимал клапаны, играл, слышал музыку.

В 1988 году меня пригласили в американский частный университет штата Юта, где я познакомился с хорошим джазовым оркестром. Они хотели приехать в СССР, даже билеты брали на себя. Остальное надо было организовать. Я все сделал сам: визы, концерты по многим городам страны. Тогда мне удалось сделать концерт в Куйбышеве (закрытом городе). Я позвонил и сказал друзьям, что несколько часов в городе будут американские музыканты, которые согласны сыграть бесплатный концерт. Надо их только покормить и показать им Волгу. Все было великолепно, их даже сняли для телевидения. Скандал был страшный — «Янки в Самаре», несанкционированный десант американского джаза! Под носом у КГБ прокрутил такую авантюру — это было, как посадка Руста на Красной площади! Этот скандал замяли, но в Союз композиторов СССР меня не приняли.

— Как развивался роман между Союзом композиторов СССР и джазом?

— В Америке меня очень жалели как мученика джаза, гонимого за «железным занавесом». На самом деле нам было не так уж плохо. Была непримиримая борьба и послабления. Попытки учредить Союз джазменов наталкивались на звериное противодействие советских композиторских бонз. Тогда у Юрия Саульского возникла идея встать во главе джазового движения и принимать в Союз композиторов отдельных руководителей джаз-ансамблей. Джаз оказался под чужим зонтиком.

— За что вы получили орден в Польше?

— Ваш покорный слуга с помощью радио, телевидения, книг, статей объяснял, что джаз это увлекательное, прекрасное необходимое искусство, за что и получил орден.

— Как прошел в саду Эрмитаж «Второй джазовый фестиваль на открытом воздухе»?

— Я заметил, что публика сада Эрмитаж переменялась. Пришли люди с милыми интеллигентными лицами, элегантно одетые, сияющие. Все вели себя раскованно, но благородно. Радость на сцене — радость в зале. Настоящая джазовая гармония.

Беседовала
Виктория ГАНЧИКОВА